

НАКАЗАНИЕ ЗА НЕПОСЛУШАНИЕ КАК ФОРМА НЕНАДЛЕЖАЩЕГО РОДИТЕЛЬСТВА

Рассматривается проблема применения наказания как авторитарной формы воспитания ребенка в семье. Автор показывает, что применение наказаний возможно только в уголовно-правовом значении. Наказание ребенка в семье, в сущности, является предательством родителями его любви и уважения.

На современном этапе наблюдается быстрое развитие социально-экономических условий в обществе, однако многие взгляды на воспитание детей отстают от темпов этого развития, поэтому можно сделать вывод о том, что современные формы воспитания содержат регрессивные тенденции. Одной из таких регрессивных форм является стремление к ограничению прав и свобод ребенка в условиях семьи, поскольку в се-

мейных отношениях особенно проявляется динамика социально-экономических процессов, которая как бы обыгрывается на внутрисемейном уровне.

Современное понимание прав и свобод предполагает применение прежде всего закона, а не исполнение чьей либо воли. Внутрисемейные отношения, которые, особенно в прошлом, основывались, прежде всего, на родительском авторитаризме, в настоящее время не мо-

гут так же динамично трансформироваться, как социальные отношения. В связи с этим воспитание детей в семье все еще в большой степени содержат авторитарные формы, такие как подавление воли ребенка или попустительство.

Авторитарные формы воспитания многими выдающимися педагогами признавались нежелательными, однако чаще всего их предпочитают применять как знакомые и понятные, эффективные, не требующие особенных затрат. По этой причине при авторитарном воспитании ребенок становится объектом воздействия, а не личностью, которой нужно помогать расти, развиваться и взрослеть. Многими родителями воспитание понимается как принуждение ребенка к покорности и послушанию, как контроль над детским своеволием. Таким образом, воспитание становится средством воздействия, предписания, принуждения и запрещения. В случае, когда ребенок не может или не хочет вести себя так, как это требует или позволяет родитель или опекун, принцип воздействия оказывается эффективным, поскольку предусматривает применение наказания. Однако авторитарные формы воздействия не имеют никакого отношения к развитию ребенка, они создают абсолютную психофизическую и социальную зависимость ребенка от родителей или опекунов, что делает его беспомощным перед эксплуатацией и субординацией¹.

Тотальная трудовая повинность родителей в советский период заставляла находить такие формы воздействия и воспитания детей в семье, которые позволяли затрачивать минимум оставшихся в конце трудового дня времени и сил. По этой причине широко были распространены массовые дошкольные учреждения для детей, благодаря чему матери могли выходить на работу уже через два месяца

после рождения ребенка. Родители должны были работать, и постепенно воспитание детей стало функцией государства. С этого времени принцип воспитания как средства воздействия на ребенка стал осуществляться только как социальная мера, поскольку у государства имелись все условия для его выполнения и принуждения. Не случайно социалистические идеи А. С. Макаренко были воплощением идеала государственного воспитания детей с целью воспроизводства рабочей силы, поскольку семья должна была воспроизводить в первую очередь человеческий ресурс, хотя не всегда могла выполнить эту функцию для государства. В одной из своих работ Макаренко пишет: «Только детский дом, наполненный здоровым детством, знающим, что где-то на фабрике работают отец и мать, будет настоящим советским символом, потому что в нем объединяются как воспитательные деятели государство и новая семья, и совершенно иной уже деятель — ребячий производственный первичный коллектив...

Правильно организованный детский дом, дающий ребенку несравненно больше того, что способна дать самая лучшая семья, в то же время представляет собой производственную организацию. Если все детство в СССР будет организовано в детских домах, оно будет давать в год продукции на сумму один миллиард рублей. Это обстоятельство должно определять дешевизну содержания ребенка в детском доме»².

В «Книге для родителей» Макаренко убеждает, что «Советская семья не может быть отцовской монархией, так как исчезла старая экономическая семейная династия. Наши браки не совершаются по материальным соображениям, и наши дети ничего материально существенного не наследуют в семейных границах».

Матери также должны участвовать в великой стройке, поскольку промышленность требует не одну тысячу женщин на производстве. Поэтому семья должна стать ячейкой, куда приходят отдыхать победные силы человека, и тогда в семью войдет матерью свободная девушка, воспитанная в презрении к пеленочной и печной квалификации³.

Поскольку семейные приоритеты были жестко подчинены политическому дискурсу, ребенок отделялся от семьи и рассматривался как член общества с момента рождения; после родов ребенка уносили от матери и первой его средой становились чужие посторонние люди: «Практика родовспоможения в нашей стране до последнего времени предполагала возможность зрительной фиксации ребенком лица матери только на вторые сутки, а соответствующий контакт с другими людьми (медперсоналом) — сразу после рождения и неоднократно в течение первых полутора суток жизни. В зарубежной практике в последнее десятилетие принято непосредственно после рождения отдавать ребенка матери»⁴.

При социализме изначально ребенок не считался индивидом, поскольку рождался как член общества, а не как член семьи. Несмотря на то, что в Кодексе о браке и семье 1926 года было закреплено осуществление родительских прав исключительно в интересах детей, в культуре семейных отношений так и не были восполнены материнство и отцовство как основа брака и семейных отношений. За несколько десятилетий была утрачена не только ценность материнства, но и значимость отцовства. Религиозные традиции, которые не отделяли материнское воспитание от отцовского, активно вмешивались в частную жизнь женщины, направляли материнскую педагогику и закрепляли

иерархичность семейных отношений в России в X–XIX веках, с установлением советской власти также были безвозвратно утрачены⁵.

Семья рассматривалась в социально-экономическом и политическом дискурсах как общность людей, связанных отношениями супружества, родительства на основе совместного домохозяйства и производства, которая выполняет функции воспроизводства населения и социализации детей, а также содержания членов семьи⁶.

В современном семейном законодательстве принцип воспитания как способ воздействия на детей остался. Имущественные отношения между членами семьи составляют основу семейного законодательства, поскольку лучше всего поддаются правовому регулированию. По мнению многих цивилистов, к семейным правам не причислялись права на взаимную любовь, уважение, потому что они считали эти права мнимыми, лишеными санкций. И только при нарушении семейных отношений право могло вторгаться в них. Так известный русский юрист К. П. Победоносцев отмечал: «...только в том случае, когда злоупотребление власти, забвения обязанностей доводят до совершенного отрицания основных начал семейного быта, когда личность посреди семьи подвергается опасности, только в таком случае правительственные власти вступают в семейные отношения во имя закона и определяют числом и мерою права и обязанности, по существу своему не требующие определения»⁷.

Таким образом, семейное право как система юридических норм регулирует прежде всего имущественные отношения супругов. Право не имеет и не ставит задачей принудительного осуществления взаимной любви, уважения и заботы⁸.

В настоящее время государственный контроль за областью семейных отношений практически отсутствует. Сегодня в основном от родителей стала зависеть жизнь, здоровье и судьба ребенка. Несмотря на то, что социальные условия оказывают влияние на семью, все же внутренний мир семьи и те условия, в которых развивается и взрослеет ребенок, стали практически определяться личностными качествами и возможностями родителей. Именно из-за неспособности к родительству в большей степени возник кризис семьи. Кто-то не хотел или не мог справляться с трудностями в общении с детьми, многие оказались не способными воспитывать и содержать ребенка. И такие родители стали применять привычные для них авторитарные средства воздействия на детей как наиболее легкий способ выхода из собственных трудностей.

Уже в самые первые годы своей жизни, ребенок вынужден учиться уступать требованиям тех, от чьей «любви» он зависит, терпеть и испытывать на себе все проявления абсолютной родительской власти. Однако страх перед наказанием создает огромный потенциал для ненависти, которая находит разрядку вне родительского дома, как только представится первая возможность бегства из него.

«Эта "перверсия идеализированного приспособленчества" при всеобщей коллективной незрелости создает сегодняшнюю опасность тотального самоуничтожения. Мы все еще с "искренним доверием" подчиняемся режимам насилия со стороны власть имущих. Это с потрясающей ясностью видно по акциям насилия нашего времени, по все еще сохраняющемуся применению смертной казни, по террористическим актам, при которых человеческая жизнь ничего не стоит»⁹.

Властные формы родительского поведения в ранний период детства стали приводить к формированию у ребенка невротических расстройств, поскольку неврозы являются культурными факторами и возникают из-за расстройств человеческих отношений. Когда семейные отношения основываются на неприятии индивидуальности ребенка, в этом случае и применяется по отношению к нему такая форма воспитания, как абсолютная родительская власть. Родители не умеют принимать ребенка таким, какой он есть, с его личностными и индивидуальными особенностями, тогда как в подлинных отношениях любви ребенок воспринимается таким, какой он есть, без всяких условий.

Непринятие родителями ребенка с его особенностями вызывает у него состояние хронической тревоги, он вынужден тратить огромное количество энергии, чтобы противостоять родителям, создать защитную систему. Подлинное «Я», отвергаемого ребенка перестает быть для него реальным, и на месте реального «Я» ребенок начинает создавать идеализированный образ самого себя. Как правило, это проявляется в его фантазиях. Такие дети часто при подобных отношениях с родителями болеют, стараются вызывать к себе жалость.

Непринятие ребенка, вплоть до ненависти и отвержения, часто заставляет его быть агрессивным для восстановления своей целостности. Осознание собственной расколотости вследствие неприятия родителями тех или иных сторон его личности затрудняет формирование высших психических функций, на уровне которых и формируются нравственные нормы и оценки.

В основе формирования детского невроза лежит формирование противоположных доминант интрапсихической реальности. Доминанта навязывается

родителями как желаемая или требуемая в форме определенных паттернов поведения, но ей противостоит желание ребенка сохранить свою интрапсихическую доминанту. Чем чаще возникают конфликты, тем глубже формируется невроз у ребенка. Таким образом, неадекватное удовлетворение потребностей ребенка быть ориентированным в окружающей среде и несоотнесенность с ней его интрапсихической реальности ведет к возникновению постоянной и интенсивной тревоге и страху. Вследствие этого возникает психическое недоразвитие, асинхронность развития становится основной особенностью поведения ребенка¹⁰.

Конфликтные отношения в семье из-за авторитарного родительского поведения формируют у ребенка базисную тревогу, способствующую, в свою очередь, возникновению примитивных форм детских страхов. Агрессивный характер авторитарного воспитания неизбежно вызывает у ребенка чувство вины за неудачи, чувство страха перед наказанием и в связи с этим — чувство опасности. В основе этого чувства опасности лежит физическое ощущение беспомощности и изолированности, ощущение пустоты. При авторитарном воспитании ребенку не на что опереться, так как отсутствует родительское рациональное контейнирование его отрицательных эмоций, возникающих из-за трудностей объективного или субъективного характеров.

Таким образом, авторитарное воспитание содержит и социальную оценку поведения ребенка, смысл которой заключается в том, что все хорошее — от родителей, а все плохое связано с ребенком.

Разрушающий характер абсолютной родительской власти кроется и в абсолютизации проявления отношений к ребенку: от унижения до чрезмерного восхищения; от отсутствия внимания до

строгого контроля; от невыполнения родителями обещаний до потаканий желаниям ребенка. Это может происходить на фоне враждебной атмосферы между родителями. Измотанный тревожными факторами ребенок вынужден искать путь к безопасному существованию, создавать стратегии поведения и развивать те склонности, которые позволяют ему приспособливаться к родителям, чтобы сохранить свое «Я».

Эта стратегия поведения принимает одно из трех направлений. Первое направление — это когда ребенок стремится скрыться от людей, защищаясь от внешней реальности, и выбирает такую форму защиты, как изоляция. Ребенок не хочет никому принадлежать, не хочет бороться, его единственное желание — держаться всегда в стороне.

Второе направление — это стремление к людям, которое возникает у ребенка вследствие осознания собственной беспомощности. Вопреки своему отчуждению и чувству беспомощности он вынужденно пытается завоевать любовь родителей и опереться на них. Если между родителями есть разногласия, то ребенок примыкает к наиболее могущественному члену семьи и взамен как бы получает поддержку и чувство принадлежности. Принадлежность к сильному родителю помогает ему ощутить себя менее слабым и изолированным.

Третье направление, которое выбирает ребенок, — это направление против людей. В этом случае ребенок принимает состояние вражды с родителями и вступает в борьбу с ними. В основе такого выбора лежит чувство беспомощности. Обычно это бывает в семьях, где для родителей забота о ребенке и любовь имеют только поверхностную форму. Таких родителей можно определить как притворяющихся в любви и заботе. Эту поверхностность родитель-

ских чувств ребенок ощущает в силу своей способности к эмпатии. Не доверяя чувствам родителей в отношении себя, он хочет быть более сильным, нанести им поражение, желая защититься и отомстить. На этой основе начинает формироваться потребность мстительного триумфа.

Все три паттерна поведения могут действовать одновременно, однако, по мере своего развития, ребенок отдает предпочтение одному из них как форме защиты. Один из них определяется как реальное поведение и формируется в виде устойчивого паттерна. Эта устойчивость не позволяет ребенку воспринимать новый опыт. Он либо интерпретирует новый опыт на языке сложившегося паттерна, либо новый опыт может усиливать доминантный паттерн. Например, видя дружелюбное отношение к себе, ребенок может интерпретировать его как попытки эксплуатации. Сталкиваясь с требованием исполнения каких-либо обязательств, он воспринимает эти требования как непринятие и отрицание себя другими. Это приводит к тому, что он постоянно попадает в серьезную конфликтную ситуацию, поскольку любой доминирующий паттерн, которому он подчиняется, может не соответствовать данным объективным обстоятельствам.

Несовместимость трех паттернов поведения одновременно дезорганизует его отношения с другими. Именно эта несовместимость паттернов поведения в отношении с другими является основным базисным конфликтом¹¹.

Базисная тревога и страх ребенка постоянно сосуществуют с базисными желаниями и потребностью. Многие исследователи по проблемам теории личности именно в базисном страхе и в базисном желании видели основу для формирования личностных особенностей. Это по-

зволило описать в типах личности конфликт отношений ребенка с каждым из его родителей либо с обоими родителями. Каждый тип личности имеет три уровня разрешения ухода от конфликтов и построения защиты от разрушения интрапсихической реальности. Построение этих защит зависит от индивидуального психофизического состояния ребенка. Соматически здоровый ребенок имеет больше шансов найти развивающие формы защиты, что и позволяет ему сохранить доминанты интрапсихической реакции.

Если ребенку удалось неоспоримо поверить в себя и в свои способности, то этот паттерн поведения станет основным в отношениях с людьми. Базисным желанием тогда станет желание быть уверенным в себе, базисным страхом — страх подчиниться другому.

В случае непреодолимого конфликта в отношениях с родителями для защиты своей интрапсихической реальности у ребенка будет формироваться паттерн поведения быть против людей. В итоге в процессе взросления формируется стремление к абсолютной власти и превосходству над другими, независимо от средств, затрачиваемых для этого. Крайняя форма такого лидерства воплощается в диктатуре и тоталитарной философии «Власть дает право». У таких людей развивается идея всемогущества и вседозволенности. В случае опасности они мстительно могут разрушать все, что не соответствует их желаниям. Однако сражаясь за собственное выживание, они могут другим позволить способствовать этому, пока те другие, по их мнению, не представляют для них опасности. Чаще всего такой тип лежит в основе психопатической личности. Полный паттерн поведения таких личностей включает безжалостную экспансию в окружении с целью абсолютного домини-

нирования над людьми ради деструктивного разрушения реальности.

Отвергнутые авторитарным воспитанием дети всегда стремятся выделить себя любым способом, чтобы утвердить завышенную самооценку и чувство превосходства над другими. Поэтому они постоянно сравнивают себя с другими, наблюдают за ними, пытаются бороться в открытом и тайном соревновании, чтобы доказать свое тотальное превосходство. В основе этого лежит базисный страх быть отвергнутым. Они будут формировать свою личность, приспособляясь к другим людям ради того, чтобы не быть отвергнутыми. Для достижения превосходства над другими, став взрослыми, они могут использовать, эксплуатировать других людей, чтобы остаться на вершине, либо изворачиваться и хитрить. В психопатическом ракурсе такие личности оказываются патологическими лгунами и мошенниками, разрушающими дружеские отношения ради чувства триумфа. Эта «двуличность» позволяет им быть уверенными, что их обман никогда не будет разоблачен. В случае, если кто-то попытается их разоблачить, они будут готовы отомстить.

Авторитарные формы воспитания всегда имеют в своей основе большой набор запретов и ограничений для ребенка, сопровождающийся негативным инсайтом. При надлежащем виде родительства также применяются запреты и ограничения в воспитании ребенка, но при этом используется доброжелательная мимика и ровный, спокойный тон с защитным и защищающим ребенка смыслом, а вследствие такого характера и содержания эти запреты не становятся для ребенка наказанием. У таких родителей ребенок имеет большие шансы стать человеком с удачной и счастливой судьбой.

Родители, использующие запреты и ограничения криками, мимикой злости и гнева, часто необузданного, нецензурной бранью и оскорблениями, уничтожают ребенка. Он воспитывается как не справляющийся с учебой, не умеющий выполнять домашние обязанности, не способный к успехам и преодолению трудностей. В итоге ребенок либо не приобретает способность справляться и преодолевать отрицательные чувства и эмоции, либо ее утрачивает. Для такого ребенка любой выход из негативного пространства всегда будет тупиковым. Агрессия родителей провоцирует возникновение у ребенка чувства вины, а наказание — страх.

Двусмысленность содержания запретов и ограничений по отношению к ребенку в обход другого родителя воспитывают в ребенке промежуточный тип среднего человека. Дети, воспитанные таким образом, также редко достигают каких-то явных вершин и удач в своем индивидуальном развитии. Они сдаются перед родительским авторитаризмом, становятся послушными, но вместе с тем научаются хитрить и приспособляться, довольно успешно адаптироваться к социальному окружению. Чаще всего они приспособляются к среднему статистическому образу жизни, рационализируя отсутствие у себя успехов.

Впоследствии у таких детей в возрасте от 10 до 17 лет формы адаптации и манифестации против родительского авторитаризма или иных форм ненадлежащего родительства проходят через трансформацию, ломаются, меняются, и ребенок оказывается как бы «естественным ребенком». Эта естественность проявляется в том, что у детей в процессе воспитания вместо несформированных высших психических функций возникают примитивные эмоции и аффекты. Поэтому именно в пубертатном пе-

риоде развития начинают проявляться девиантные или делинквентные формы поведения.

Побеги и уходы из дома, бродяжничество также свидетельствуют о том, что дети таким образом проверяют родительские ценности и установки, навязываемые им в процессе воспитания. Часто родительские ценности заменяются другими ценностями и рационализируются подростками тем, что все так делают, как они. А поскольку авторитарное родительское воспитание исключает помощь ребенку в рационализации его негативных чувств и эмоций, ребенок оказывается не способным справиться со своими примитивными аффектами. Сила, обеспечившая когда-то послушание и подчинение, теперь трансформировалась в бунт против предательства любви и доверия¹².

Трагизм авторитарной формы родительского воспитания, как и ненадлежащего родительства в целом, заключается в том, что его отрицательные последствия не проявляются сразу как непосредственная причинная связь с униженным детством. Ведь процесс воспитания ребенка в семье скрыт от посторонних и недоступен прямому наблюдению. Можно стать только невольным свидетелем того, как неспособная успокоить и утешить ребенка мать тащит его, плачущего, где-нибудь в метро или на улице, демонстративно делает вид, что уходит от него, надеясь таким способом сломить его сопротивление и волю. И пройдет еще несколько лет, прежде чем станет ясно, что результат такого воспитания — отставание в развитии и несоответствие психофизических особенностей ребенка его возрасту, часто сопровождаемое социальным расстройством поведения.

Следствием этого является то, что пока остаются без ответов вопросы о

том, почему двенадцатилетняя девочка, которая воспитывалась внешне заботливой матерью и строгим отцом или отчимом, имела не отягощенную психическими заболеваниями наследственность, неоднократно совершает побеги из дома и прогуливает занятия, а в 17 лет она причиняет из-за ревности тяжкие телесные повреждения сверстнице, которые повлекли за собой ее смерть. При этом такая девушка считается экспертами психологами социально адаптированной и в полной мере осознающей фактический характер и общественную опасность своих действий и способной руководить ими.

В художественной литературе можно найти много примеров семейных историй, свидетельствующих о детерминизме детства и жизни взрослого. Наиболее ярким примером служит русская классическая литература. Так, например, проблема преступления и наказания так, как она понимается у Ф. М. Достоевского, является и источником для социологии преступления (как и социологические теории Э. Дюркгейма или Э. Сатерленда): «Теперь представьте же себе, что может сделаться из Фомы, во всю жизнь угнетенного и забитого и даже, может быть, и в самом деле битого, из Фомы, втайне сластолюбивого и самолюбивого, из Фомы — огорченного литератора, из Фомы — шута из насущного хлеба, из Фомы — в душе деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и бессилие, из Фомы — хвастуна, а при удаче за нахала, из этого Фомы, вдруг попавшего в честь и в славу, возлелеянного и захваленного благодаря идиотке покровительнице и оболыщенному, на все согласному покровителю, в дом которого он попал наконец после долгих странствований? О характере дяди я, конечно, обязан объяснить подробнее: без этого непонятен и успех Фомы

Фомича. Но покамест скажу, что с Фомой именно сбылась пословица: посади за стол, он и ноги на стол. Наверстали так свое прошедшее! Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет. Фому угнетали, а он тотчас же ощутил потребность сам угнетать; над ним ломались — и он сам стал над другими ломаться. Он был шутом и тотчас же ощутил потребность завести и своих шутов. Хвастался он до нелепости, ломался до невозможности, требовал птичьего молока, тиранствовал без меры, и дошло до того, что добрые люди, еще не быв свидетелями всех этих проделок, а слушая только рассказы, считали все это за чудо, за наваждение, крестились и отплевывались»¹³.

Авторитарные формы родительского воспитания, основой которых является принуждение и наказание за невыполнение родительских требований, во многом похожи на формы принуждения, предусмотренные правовыми системами. Так, за совершение преступления во всех мировых правовых системах неизбежно наступает уголовная ответственность и применение наказания. Поэтому применение наказания как средства для принуждения и послушания ребенка должно быть запрещено, независимо от природы его содержания, обоснованности и приемлемости границ применения вне уголовного права.

(К слову сказать, наказание, к сожалению, также часто используется недобросовестными дрессировщиками животных, несмотря на то, что известно много способов достижения определенных целей гуманными способами награждения, а не по принципу «кнута и пряника».)

В семье при авторитарных формах воспитания ребенка применяют наказание с целью принуждения ребенка к послушанию прежде всего для удовлетворения родительских желаний и потреб-

ностей. «Так как дети не располагают никакой реальной силой против своих родителей, они вынуждены подчиняться их силе. Однако это подчинение происходит только на поверхности. Внутри возникает сильное сопротивление. Чаще всего они не плачут, когда их бьют или унижают»¹⁴.

О последствиях воспитания ребенка в системе ценностей «черной педагогики» как истоках человеческой деструктивности пишет Алис Миллер. Анализируя книгу Катарини Рутшки «Черная педагогика», она приводит в качестве примера педагогические идеи некоего Й. Крюгера: «На мой взгляд, детей никогда нельзя бить за ошибки, совершенные из-за слабости характера. Единственный порок, заслуживающий побоев, — это строптивость. Не следует бить ребенка за плохую отметку в школе, за то, что он упал на улице, по небрежности что-нибудь разбил, если он почему-либо плачет. Но если он что-нибудь делает назло, то его следует бить и за более мелкие прегрешения. Если сын назло вам не хочет учиться, если он намеренно плачет или назло вам портит какую-либо вещь, тогда бейте его и пусть он кричит: «Не надо, папа, не надо!» Ведь столь откровенное непослушание есть не что иное, как объявление вам войны. Ваш сын хочет лишить вас власти, и вы вправе в ответ применить силу, чтобы укрепить свой авторитет, без которого ни о каком воспитании даже речи быть не может. Роль физического наказания не стоит недооценивать: оно должно убедить вашего сына в том, что отныне вы повелитель. Поэтому его нужно бить до тех пор, пока он не выполнит требуемое. Если вы отступите прежде этого, то дадите возможность его сердцу возликовать от ощущения победы над вами, и тогда уже даже порка не поможет, ибо ребенок будет чувствовать себя вашим

господином. Стоит ему хоть раз признать себя побежденным и смириться, он никогда больше не осмелится бунтовать»¹⁵.

В религиозном сознании запреты и ограничения по степени воздействия на человека имеют большую значимость, чем правовые запреты. Но эти запреты и ограничения всегда должны были исполняться и не могли подвергаться сомнению. Однако как таковое наказание за нарушение запретов в религиозных отношениях не применяется.

В уголовном праве наказания и ограничения должны исполняться независимо от того, подвергаются ли они кем-нибудь сомнению или нет. В праве существует принцип неотвратимости наказания. В обоих случаях этот «набор» запретов складывался объективно в процессе развития обществ.

В семье родители могут использовать запреты и ограничения для ребенка только в случае, если это требуется в интересах безопасности его жизни и здоровья. Поэтому их применение часто носит временный и ограниченный характер.

Поскольку в развитии ребенка применение наказаний как метода воспитания имеет деструктивные последствия, это доказывает, что оно может применяться исключительно в уголовном праве. В этом значении и находятся доказательства того, что применение наказаний к ребенку означает отношение к нему как к преступнику.

Применение к ребенку авторитарных мер воздействия как наказания демонстрирует гораздо больше агрессии и негативных чувств родителей, чем заслуживает ребенок в конкретной ситуации. Мера воздействия на ребенка, таким образом, часто превышает его «вину», с которой ребенок не может справиться. Это обстоятельство и

страх наказания провоцируют возникновение травматических переживаний. В случае адекватного понимания собственного поведения и строгой, но доброжелательной его оценки родителями, ребенок может справиться с чувством вины и признать ошибочность своего поведения.

Если родительская оценка поведения ребенка адекватна возрастным и психофизическим особенностям его развития, тогда ее способен понимать и ребенок. Например, ребенок раннего возраста не может еще играть в песочнице, не испачкавшись при этом. Авторитарная родительская реакция проявится в эмоционально повышенном тоне и обвиняющей интонации, наказывающей ребенка за испачканную одежду. Ребенок такое воспитание будет действительно понимать как наказание, поскольку по смыслу родительской реакции ему вменяется ответственность за испачканную одежду. Однако он не может нести такой груз ответственности за неспособность родителей к сочувствию и терпению.

Итак, несмотря на то, что подавляющее большинство психологов и педагогов в России считают недопустимым применение жестоких и авторитарных форм воспитания в отношении детей, тем не менее, в подавляющем большинстве семей эти формы воспитания и в настоящее время являются предпочтительными или основными. А поскольку родители не подвергают сомнению саму авторитарную форму воспитания, поэтому они широко используют сочетание понятий «наказание» и «ребенок» без осознания того, что наказание применяется только за совершение преступления в дискурсе уголовного права социальных отношений, следовательно, его применение в отношениях с ребенком невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Батлер Д. Психика власти: теории субъекции. Харьков; СПб., 2002. С. 20.
- ² Макаренко А. С. О путях общественного воспитания. Собр. соч.: В 7 т. М., 1960. Т. 7. С. 384.
- ³ Макаренко А. С. Книга для родителей. Л., 1981. С. 24.
- ⁴ Филиппова Г. Г. Психология материнства. Институт психотерапии. М., 2002. С. 84.
- ⁵ Пушкарева Н. Мать и дитя в русской семье 18–19 вв. // Социальная история. Ежегодник. М., 1998.
- ⁶ Антонов А. И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. М., 1995. С. 185.
- ⁷ Антокольская М. В. Семейное право. М., 2002. С. 16.
- ⁸ Там же. С. 16.
- ⁹ Бассиони К. Воспитание народоубийц. СПб., 1999. С. 53.
- ¹⁰ Захаров А. И. Неврозы у детей и психотерапия. СПб., 1998. С. 79.
- ¹¹ Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. СПб., 1997. С. 54.
- ¹² Лоуэн А. Секс, любовь и сердце. М., 2004. С. 103.
- ¹³ Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели // Достоевский Ф. М. Собр. соч. Т. 3. Л., 1972. С. 13.
- ¹⁴ Лоуэн А. Указ. изд. С. 104.
- ¹⁵ Миллер А. Вначале было воспитание. М., 2003. С. 111.

O. Lopez Guillermo

PUNISHMENT FOR DISOBEDIENCE AS A FORM OF PROPER PARENHOOD

"This article deals with the problem of administering punishment as an authoritarian method of bringing up a child in a family. The author believes that the concept of punishment can be applied only to criminal legislation. Punishment of a child by parents as a form of coercing obedience amounts, in essence, to a betrayal of love and respect for the child"